

ЭКОФЕМИНИСТСКАЯ СТРАТЕГИЯ. ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ ЖИЗНИ-НА-ЗЕМЛЕ*

Ариэль Саллех,

Университет Нельсона Манделы,
Порт-Элизабет, ЮАР,
arielsalleh7@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.11.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Саллех А. Экофеминистская стратегия. Политика сохранения жизни-на-Земле // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 62–83. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_62

Аннотация

В данной статье экологический феминизм (экофеминизм) представлен как практика и стратегия объединения или поддержания биосоциальных отношений, которые делают возможной жизнь на Земле. В отличие от либерального феминизма, а также некоторых версий марксизма, материалистический экофеминизм уделяет

* Впервые текст статьи был частично опубликован на испанском языке в эквадорском журнале. См.: Salleh, A. (2018). Una estrategia eco-feminism: militar por el agua, el clima, u las luchas postdesarrollo. *Ecuador Debate*, (103), 147–158. Перевод для журнала «Дискурс-Пи» сделан по рукописи на английском языке. Переводчик – П. Н. Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН. Для перевода проф. Саллех сделала множество пояснений и дополнений, чтобы ее текст был более понятен русскоязычному читателю, фактически незнакомому с экологическим феминизмом из-за отсутствия переводов как базовых текстов его представителей, так и обзорных работ этого научного направления и международного движения. Некоторые термины, употребляемые автором, пояснены переводчиком в подстрочных примечаниях. С избранными работами А. Саллех можно ознакомиться на ее сайте (www.arielsalleh.info).

© Саллех А., 2022

Большое внимание репродуктивному труду, отличающемуся от так называемого производительного труда. Автор вводит в оборот термин «метаиндустриальный класс» для описания деятельности заботящихся о семье женщин, крестьян-фермеров, собирателей и коренных народов, живущих на обочине индустриальной цивилизации. Их труд является не только основой человеческого существования, но и необходимой предпосылкой производительного труда как такового. Однако долг современных обществ перед метаиндустриальным трудом, особенно перед домашним хозяйством, постоянно недооценивается. В отличие от риторики научного и технического прогресса, которая оправдывает постоянно возрастающую эксплуатацию и потребление «неисчерпаемой» природы, имманентная логика метаиндустриального труда защищает метаболизм между человечеством и природой. В то время как линейный инструментальный разум современной промышленности оставляет за собой беспорядок и энтропию, метапромышленный труд, непосредственно участвуя в метаболических циклах Земли, восстанавливает термодинамическую устойчивость. Метаиндустриальный класс, с его осторожной эпистемологией, усвоенной в результате практического труда, не нуждается в линейной логике продуктивизма. Репродукция следует циклической логике регенерации. Автор статьи рассматривает это через призму воды, поскольку она опосредует обмен веществ между природой и людьми, всегда остающимися частью природных экосистем. В соответствии с этой экологикой все явления, объекты и процессы являются взаимосвязанными компонентами устойчивого органического целого. Материалистическая экофеминистская политическая стратегия демонстрирует возможность замедления роста с опорой на эмпиризм народной науки.

Ключевые слова:

экофеминизм, экология, устойчивость, метаиндустриальный класс, обмен веществ между человечеством и природой, вода, репродуктивный/восстановительный труд.

UDC 101

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_62

ECOFEMINIST STRATEGY. THE POLITICS OF HOLDING LIFE-ON-EARTH

Ariel Salleh,

Nelson Mandela University,
Port Elizabeth, the Republic of South Africa,
arielsalleh7@gmail.com

Article received on November 20, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Salleh, A. (2022). Ecofeminist Strategy. The Politics of Holding Life-On-Earth. *Discourse-P*, 19(1), 62–83. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_62

Abstract

The article presents ecological feminism or ecofeminism as the praxis and strategy for holding-together or sustaining the bio-social relations that make possible life-on-Earth. In contrast to Liberal feminism, as well as some versions of Marxism, materialist ecofeminism attends to re-productive labor, as distinct from so-called productive labor. The author introduces the term ‘meta-industrial class’ to describe the activities of women caring for family, peasant farmers, gatherers, and indigenous peoples living at the economic margins of industrial civilization. Their labor is not only foundational to human existence, it is a prerequisite to productive labor as such. However, the debt owed by modern societies to meta-industrial labor, especially housework, is constantly underestimated. In contrast to the rhetoric of scientific mastery that justifies ever increasing exploitation and consumption of ‘inexhaustible’ nature, the immanent logic of meta-industrial labor protects the humanity-nature metabolism. While the linear instrumental reason of modern industry leaves behind disorder and entropy, meta-industrial labor, engaging directly with the Earth’s metabolic cycles, restores thermodynamic stability. With its precautionary epistemology learned through experiential labors, the meta-industrial class has no use for the linear logic of productivism. Re-production follows a regenerative circular logic. The author considers this through the prism of water as it mediates the metabolism of humans embodied in nature. By this eco-logic, all phenomena, objects, processes, are inter-related components of a stable organic whole. A materialist ecofeminist political strategy demonstrates the possibility of a de-growth grounded in the empiricism of vernacular science.

Keywords:

ecofeminism, ecology, sustainability, meta-industrial class, humanity-nature metabolism, water, reproductive/regenerative labor.

Введение: определение экофеминизма

Экологический феминизм, или экофеминизм (англ. *ecological feminism*, *ecofeminism*), этот «новый термин для древней мудрости», вырос из различных общественных движений – феминистского, движения за мир и экологию – в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Хотя сам термин впервые был использован Ф. Д’Обонн более 40 лет назад (D’Eaubonne, 1980), он стал популярным только в контексте многочисленных протестов и мероприятий против разрушения окружающей среды, вызванных повторяющимися экологическими кризисами. Катастрофа на Три-Майл-Айленде¹ побудила большое количество женщин в США собрать

¹ 28 марта 1979 г. на АЭС Три-Майл-Айленд (англ. *Three Mile Island*) произошла одна из крупнейших аварий в истории ядерной энергетики США. Несмотря на то, что

ся на первую экофеминистскую конференцию – «Женщины и жизнь на Земле: Конференция по экофеминизму в восьмидесятых», которая прошла в Амхерсте в 1980 г. На этой конференции были исследованы связи между феминизмом, милитаризацией, целительством и экологией.

Несмотря на то, что само слово «экофеминизм» довольно новое, его смысл и внутреннее содержание во все времена стимулировали усилия женщин по сохранению средств к существованию и обеспечению безопасности своих сообществ. От жителей леса Чипко в Северной Индии около 300 лет назад до матерей угледобывающих Аппалачей в настоящее время продолжается борьба за создание жизнеутверждающих и жизнеспособных обществ. Сегодня эта борьба усиливается по мере того, как глобализирующее влияние транснациональных корпораций расширяется, когда фактически весь мир втягивается в сферу их эксплуатации. Экофеминизм говорит об общей энергии, которая присутствует в движении на всех континентах. В этом смысле экологические феминистки одновременно являются и уличными борцами, и философами.

Призыв экофеминизма «Только подключайся!» подводит итог тому, что представляет собой его перспектива. Экофеминизм – единственная известная мне политическая система мысли, которая может объяснить исторические связи между неолиберальным капиталом, милитаризмом, корпоративной наукой, отчуждением работников, насилием в семье, репродуктивными технологиями, секс-туризмом и проституцией, растлением малолетних, неокOLONIALИЗМОМ, исламофобией, экстрактивизмом², жестоким обращением с животными, ядер-

попавшее в окружающую среду количество радиации и радиоактивных веществ было незначительным, авария вызвала широкий резонанс в американском обществе. Началась широкомасштабная и алармистская антиядерная кампания, результатом которой стал постепенный отказ от строительства новых энергоблоков. – *Прим. пер.*

² Экстрактивизм (англ. *extractivism*) – процесс извлечения природных ресурсов для продажи на мировом рынке. В отличие от простой добычи полезных ископаемых, экстрактивизм характеризуется следующими основными чертами: 1) добыча осуществляется в основном транснациональными корпорациями в тесной кооперации с правительствами стран центра капиталистической мир-системы на территориях периферии и полупериферии, в то время как добыча на собственных территориях почти не ведется; 2) в государствах, на территории которых осуществляется экстрактивистская добыча, на эти ресурсы нет внутреннего спроса в силу отсутствия развитой обрабатывающей промышленности, либо эти государства сознательно проводят сырьевую экономическую политику; 3) как правило, ТНК на используемых для экстрактивизма территориях не заботятся о безопасности рабочих и защите окружающей среды; 4) в расширительном смысле под экстрактивизмом также понимают использование трудовых, водных и земельных ресурсов эксплуатируемых стран; 5) являясь необходимой частью эоимпериализма (а ранее колониализма), экстрактивизм структурно встроен в гегемонистский порядок глобального капитализма; 6) экстрактивизм (в отличие, например, от ресурсо-ориентированной экономики) основывается на прометеанстве, рассматривающем природу как количественно «неисчерпаемую кладовую», которую необходимо познать и на основании научно-технического знания завоевать в целях использования для удовлетворения постоянно растущих человеческих потребностей посредством непрерывного роста производства и, соответственно, перманентного увеличения степени

ным оружием, промышленными токсичными веществами, захватом земель и водных бассейнов, вырубкой лесов, генной инженерией, изменением климата и мифом о современном прогрессе. Экофеминистские решения также являются синергетическими; организация повседневной жизни вокруг воспроизводства средств к существованию способствует продовольственному суверенитету, развитию демократии прямого участия и продуктивному взаимодействию системы «человек-техника» с природными экосистемами.

Экологический феминизм сегодня представлен во многих книгах и статьях, он преподается в качестве университетской специальности, а также на курсах по экологической этике, социальной и политической мысли, гендерным исследованиям, географии человека, гуманитарным наукам об окружающей среде и, совсем недавно, политической экологии.

Тем не менее общественность не всегда ясно представляет себе связь между экофеминизмом и феминизмом как таковым. Мейнстрим феминизма имеет множество притоков с различными целями и стратегиями. Наиболее фундаментальная форма феминизма обнаруживает себя тогда, когда радикальные феминистки слишком раздуто подчеркивают противоречия повседневного опыта женщин в условиях мужского доминирования и угнетения. С другой стороны, представительницы культурного феминизма (англ. *cultural feminism*) отмечают освободительный потенциал «женских ценностей», хотя и признают, что многие из «ценностей» (например, «большая близость женщин к природе», а мужчин – «к разуму и культуре») исторически навязаны женщинам, как правило, мужчинами. Социалистические феминистки рассматривают уникальную форму экономической эксплуатации женщин как неоплачиваемый домашний труд на мировом рынке. Либеральные феминистки просто стремятся к равным (с мужчинами) возможностям для женщин, при этом оставляя само капиталистическое общество нетронутым. Постструктуралистские феминистки смотрят на то, как женщины социально устроены и позиционируются с помощью языка в популярных средствах массовой информации, литературе, религии, праве и т. д.

В экофеминизме обнажаются глубинные политические аспекты современных взаимоотношений между такими феноменами, как техника, природа, женский и вообще репродуктивный труд, капиталистический способ производства, экологическая борьба и т. п.³ Первая предпосылка экологического феминизма состоит в том, что «материальные» ресурсы женщин и природы структурно взаимосвязаны в капиталистической патриархальной системе. Экофеминистки могут иногда опираться на другие направления феминизма,

агрессивной эксплуатации природы при полном игнорировании последствий этой эксплуатации как для окружающей среды, так и для человеческого общества. – *Прим. пер.*

³ Например, экофеминизм объясняет, как гендерно обусловлены финансовый и экологический кризисы. Более того, каждый кризис теперь активизирует новые виды политического сопротивления – молодежь, нестандартные рабочие, беженцы с географической периферии. Сегодня к нему присоединяются, если не возглавляют, активисты альтерглобализма – Всемирного социального форума, *Via Campesina*, Экологической сети коренных народов, Всемирного марша женщин, движения *Occupy!*, *Animal Liberation*. – *Прим. пер.*

но либеральные и постмодернистские подходы, как правило, бесполезны для создания глобальных политических союзов с рабочими, крестьянами, коренными народами и другими жертвами западного стремления к накоплению. Критически важным аспектом экофеминизма является то, что он предлагает альтернативу релятивизму, который берет верх по мере того, как капиталистическая коммодификация гомогенизирует культуры. Так, например, Мария Миэс и Вандана Шива описывают резкий контраст между социальным упадком пассивного буржуазного потребительства и социальной жизнеспособностью самодостаточных и автономных экономик (Mies & Shiva, 2014).

Никакая другая политическая перспектива – либерализм, социализм, феминизм, экологизм – не может объединить то, что делает экофеминизм: почему с народом рома (цыганами) по-прежнему обращаются как с животными; почему женщины выполняют 65 % мировой работы за 10 % ее заработной платы; почему интернет-изображения детей, подвергшихся сексуальному насилию, приносят миллионы долларов; или почему самой Землей манипулируют как оружием войны. Исчезновение видов является эндемичным явлением; приближается пик истощения пресной воды; почвы теряют органическую целостность; атмосфера расколота яростными штормами. Вандана Шива отмечает, что мы находимся в эпическом соревновании между правами Матери-Земли и правами корпораций и милитаризованных государств, использующих устаревшие мировоззренческие установки.

Не все женщины, которые были движущей силой течения против строительства атомных электростанций в Германии, были убежденными феминистками, но для них также была очевидна связь между технологиями, войной против природы, против женщин и будущих поколений. Крестьянки, которые активно протестовали против предлагаемого строительства атомной электростанции в Уиле на юго-западе Германии, также увидели связь между технологиями, манией экономического роста, ориентированной на прибыль, и эксплуатацией стран третьего мира. Эту связь четко обозначила и советская женщина после чернобыльской катастрофы 1986 г.: «Мужчины никогда не думают о жизни. Они хотят только покорить природу и врага».

Новые достижения в области биотехнологии, генной инженерии и репродуктивных технологий заставили женщин остро осознать гендерную предвзятость науки и техники и то, что вся парадигма этих наук патриархальна, антиприродна, колониальна и направлена на то, чтобы лишить женщин их фертильных способностей, как это происходит с производительными способностями природы.

Вслед за основанием в 1984 г. Международной феминистской сети сопротивления генетической и репродуктивной инженерии (англ. *Feminist International Network of Resistance to Reproductive and Genetic Engineering, FINRRAGE*) последовал ряд важных конгрессов: в 1985 г. в Швеции и ФРГ, в 1988 г. в Бангладеш, в 1991 г. в Бразилии. Это движение вышло далеко за рамки узко определенного женского или феминистского движения. В Германии женщины из профсоюзов, церквей и университетов, сельские и городские женщины, работницы и домохозяйки мобилизовались против этих технологий; их этические, экономические последствия и последствия для здоровья продолжают оставаться предметом горячих споров. Это движение сыграло важную роль в предотвращении создания агентства «суррогатного материнства» во Франкфурте.

Экофеминистский принцип поиска связей, в которых капиталистический патриархат и его воинственная наука заняты расчленением и анализом того, что образует живое целое, также является одним из базовых принципов движения. Экофеминистки понимают, что освобождение женщин может быть достигнуто не изолированно, а только как часть более широкой борьбы за сохранение жизни на нашей планете. Это движение также способствует созданию новых связей и сетей. Одна африканская женщина в 1988 г. на конгрессе в Бангладеш, впервые услышав о генетической инженерии и биотехнологиях, воскликнула: «Если это прогресс, мы не хотим его. Оставьте это!».

Движения за жизнь

Экофеминистский подход формируется на основе повседневной жизни, связанной с различными формами репродуктивной (восстановительной) деятельности. Репродуктивный труд⁴ – основа любого общества. Благодаря практическому опыту, возникающему в результате такого труда, например, матери учатся поддерживать биологические циклы в организме ребенка, о котором они заботятся. Точно так же крестьяне и собиратели «настраиваются» на природные циклы, работая на земле. Эти работники, труд которых практически не оплачивается, в значительной степени невидимы в мировой экономике; они не получили должного признания в социологии и не осмыслены как категория «производительных трудящихся» в марксизме. Но взятые вместе эти трудовые группы – матери, крестьяне и собиратели, коренные народы – в действительности образуют класс, который благодаря своим материальным навыкам обеспечения жизни на Земле выходит на авансцену именно сейчас, в эпоху экологических и антропологических кризисов и катастроф (Salleh, 2017).

Это феминистское экологическое утверждение поддерживает призыв Вольфганга Сакса обратиться к изучению «автохтонных обществ, которые живут богато в пределах своих собственных, доступных средств, и к тем формам социальных изменений, которые черпают вдохновение из идей коренных народов о хорошей и правильной жизни... Поэтому задача глобальной экологии может быть понята двояко: это либо технократическая попытка удержать развитие на плаву против потока грабительского хозяйствования и загрязнения окружающей среды, либо культурная попытка стряхнуть гегемонию устаревающих западных ценностей и постепенно отказаться от гонки развития» (Sachs, pp. 4–11).

Термин «экологический феминизм» также широко используется для описания политики, которая рассматривает экологию и феминизм как единую борьбу. Эта борьба активизируется в те моменты, когда ставятся под угрозу

⁴ В экофеминизме под репродуктивным трудом понимается не только неоплачиваемая работа женщин, которая связана с домашними обязанностями (уборка, приготовление пищи, уход за детьми, стирка) и которая не признается важной в капиталистической системе. Как будет показано ниже, в это понятие экофеминистки включают труд всего так называемого «мегаиндустриального класса», т. е. всю деятельность, направленную на поддержание, репродукцию, восстановление и регенерацию жизненных циклов существования человека/культуры и природы. – Прим. пер.

условия жизни в городских кварталах и сельских общинах. Безусловно, и женщины, и мужчины вовлечены в труд по воспроизводству жизни, но поскольку в основном женщины во всем мире занимают социальное положение в качестве лиц, обеспечивающих заботу, уход и питание всей семьи, то обычно именно они в первую очередь принимают меры по охране окружающей среды. Такого рода природоохранные меры универсальны, не зависят от региона, класса или этнической принадлежности, т. е. они уникально интерсекциональны. Так, начиная с 1970-х гг. на всех континентах женщины, реагирующие на сопутствующий ущерб, нанесенный капиталистическими индустриализмом, продуктивизмом, потребительством и моделями развития после Второй мировой войны, начали заниматься тем, что они стали называть экофеминизмом. Немецкие экофеминистки, например, довольно явно строили свою работу на теоретических основах, заложенных в 1910-е гг. Розой Люксембург (см. Luxemburg, 2003).

1980-е гг. также ознаменовались взрывом таких «новых социальных движений», как Антиядерное движение (*Anti-nukes*), Черная сила (*Black Power*), Женское освободительное движение (*Women's Lib*), Движение в защиту земельных прав коренных народов (*Indigenous Land Rights*) и др. Однако, как верно предполагали марксисты, в конечном счете радикальная экология была поглощена партиями зеленых и профессионалами-технократами, а сам феминизм под влиянием либерального индивидуализма превратился в одностороннюю борьбу за равные права. Следующая фаза экофеминизма последовала за Саммитом Земли (Конференцией ООН по окружающей среде и развитию), проходившим в Рио-де-Жанейро в 1992 г., который вместо того, чтобы принять международные меры по защите Земли, в действительности только усилил неокOLONIAльную политику глобального Севера якобы во имя защиты природы. В настоящее время глобальный генеральный план региональных соглашений проложил путь для разработки земель коренных народов транснациональными корпорациями и корпоративного патентования их биоразнообразия. Экофеминистки, например Вандана Шива, присутствовали на Саммите Земли и сделали все возможное, чтобы воспротивиться этим мерам (Shiva, 1987; D'Avila & De Vasconcelos, 1993). К сожалению, в скором времени Рамочная конвенция ООН об изменении климата вынудила социально уязвимых участников этих соглашений пойти на дальнейшие уступки неолиберальному капитализму и транснациональным корпорациям. XX столетие завершилось «битвой за Сиэтл» (англ. *Battle of Seattle*) – массовыми уличными протестами в американском Сиэтле в 1999 г., где международный антиглобализм противостоял Всемирной торговой организации (Isla, 2009, pp. 141–145). Это широкое движение за народную альтернативу глобализации провело свой первый Всемирный социальный форум в 2001 г.

Если экспансия неолиберализма деморализовала рабочих обрабатывающей промышленности в метрополиях, переместив их рабочие места за границу в низкооплачиваемые экспортные зоны глобального Юга, то у многих людей на геополитической периферии была другая повестка дня. Движение безземельных рабочих (португ. *Movimento dos Trabalhadores Sem Terra, MST*) в Бразилии и Движение безземельных людей (англ. *Landless People's Movement*) в ЮАР пропагандировали создание экодеревень и продовольственный суверенитет. В Эквадоре представительницы организации «Экологическое действие» (исп. *Acción Ecológica*) использовали концепт «экологический долг»

для описания 500-летнего колониального хищения природных ресурсов, грабительских процентов Всемирного банка по кредитам на развитие и продолжающейся потери средств к существованию, обусловленной экономическим экстрактивизмом. Справедливость в сочетании с устойчивым развитием также стала предметом обсуждения в 2010 г. на климатическом саммите в боливийской Кочабамбе, где были представлены андские способы обеспечения в качестве альтернативы растрате жизни в условиях промышленного изобилия. После финансового кризиса 2008 г. интернациональная группа молодежи *Occupy Wall Street* разбила лагерь на Уолл-стрит возле Нью-Йоркской фондовой биржи, чтобы выступить против капиталистического финансового класса; в Германии сторонники движения *Occupy!* заблокировали франкфуртские банки. Еще одна политика, основанная на жизнеутверждающих ценностях, проявилась в средиземноморских государствах, сопротивляющихся программам жесткой экономии Евросоюза. Испанские *Indignados* спровоцировали создание множества самодостаточных хозяйств.

Затем на Конференции ООН Рио+20 в 2012 г. бизнесмены и политики активизировали свою ранее выдвинутую программу «Зеленый новый курс» (англ. *Green New Deal*), направленную на развитие нанотехнологической биоэкономики. И снова экофеминистки приняли участие в критике этого курса (Salleh, 2009). Позже ученые-экологи соберутся в Лейпциге и Будапеште, чтобы обсудить перспективы сокращения роста в сельском хозяйстве, хотя на тот момент работы таких исследователей-экофеминисток, как Вероника Беннхольд-Томсен, Мария Миэс, Вандана Шива, еще не получили широкого признания (Bennholdt-Thomsen & Mies, 1999; Shiva, 2005). Сегодня брюссельское отделение Фонда Розы Люксембург, работающее над социально-экономическими преобразованиями, изучает перспективы конвергенции экофеминистской политики с такими социалистическими движениями, как *Buen Vivir* и *Sumak Kawsay*⁵ в Южной Америке, *Ubuntu*⁶ в Южной Африке, *Swaraj*⁷ в Индии.

⁵ *Buen vivir* в переводе с испанского означает «хорошая жизнь». В языке кечуа *sumak* относится к идеальному и прекрасному состоянию планеты, а *kawsay* означает жизнь с достоинством, полнотой, балансом и гармонией. *Buen Vivir* и *Sumak Kawsay* – это философия, основанная на пяти простых столпах: нет жизни без знания и мудрости; мы все произошли от Матери-Земли; жизнь здорова; жизнь коллективна; у всех есть стремление или мечта. С 1990-х гг. *Sumak Kawsay* превратился в политический проект, направленный на достижение коллективного благополучия, социальной ответственности в отношении людей к природе, на прекращение бесконечного накопления капитала. *Sumak Kawsay* и *Buen Vivir* предлагают коллективную реализацию гармоничной и сбалансированной жизни, основанной на этических ценностях, вместо модели развития, которая рассматривает человека и природу как экономический ресурс.

⁶ Убунту (в переводе с зулусского языка *ubuntu* – человечность по отношению к другим; еще один возможный вариант перевода – вера во вселенские узы общности, связывающие все человечество) – южноафриканское направление этики и гуманистической философии, уделяющее особое внимание верности и лояльности в отношениях между людьми. Убунту является одним из основополагающих принципов постапартеидной ЮАР. – *Прим. пер.*

⁷ Сварадж (хинди *swaraj*, где *swa* – само-; *raj* – закон) – используемый Махатмой

Экофеминисты отмечают, что в условиях капиталистической патриархальной культуры ограждение и коммодификация природы перекликаются с ограждением и коммодификацией женских рабочих тел. Классические намеки на Мать-Природу – это гораздо больше, чем метафора. Вот почему, например, защитная этика веганства циркулирует среди экофеминистских сетей, и проводятся международные встречи по уходу за животными (Kheel, 2008; Jones, 2010). Вот почему женщины по всей Африке, чья жизнь и средства к существованию находятся под угрозой из-за добычи полезных ископаемых вблизи их деревень, создали *WoMin* – антиэкстрактивистскую сеть со своим собственным экофеминистским манифестом. Вот почему в американских Аппалачах матери организуют прямые действия против сноса горных вершин предприятиями угольной промышленности (Bell, 2013). Вот почему индийская *Navdanya* создает «банк» традиционных семян, чтобы спасти их от фармацевтического патентования. Вот почему в китайской провинции Сычуань крестьянки восстанавливают плодородие почвы, возрождая вековые органические технологии, а в Лондоне домохозяйки добровольно посвящают свое время ремонту водосбора Темзы после столетий жестокого обращения с рекой.

Вода: подлинный основной вопрос

Когда активисты не видят того, как логика воспроизводства связывает экологию, рабочих, крестьян, женщин и движения коренных народов, возникает монотематическая, одномерная «политика идентичности», ведущая к разрушительной конкуренции, в рамках которой оказывается, что права одной группы противоречат правам другой, ибо одна идентичность оказывается несовместимой с другой (сегодня такую пагубность политик «идентичностей» мы наблюдаем в деятельности радикальных феминисток). Но когда люди работают вместе, чтобы защитить условия собственной жизни на своей земле и тем самым жизни на планете Земля, то культурные различия отступают, «выносятся за скобки», а то и вовсе элиминируются. Если воспитание – это универсальная человеческая способность, то его материальной основой является еще один универсальный поток – вода. Почему? Потому что:

- глобальная климатическая стабильность зависит от регулярного круговорота воды;
- снижение уровня атмосферного углерода растениями зависит от воды;
- здоровье почвы, растений и животных зависит от воды;
- человеческие тела состоят в основном из воды.

Правительства и международные организации, использующие модель развития, ориентированную на рост, отрицают, что мировая экономика уже столкнулась с кризисом перепроизводства. Что еще более серьезно, они отрицают, что пик нефти совсем скоро сравняется с пиком воды⁸. Всемирный банк и даже

Ганди синоним понятия «самоуправление». Это подразумевает политическую децентрализацию и управление не с помощью централизованного правительства, а посредством прямой демократии членов местного сообщества и общественных собраний. – Прим. пер.

⁸ Пик нефти (англ. *peak oil*) – максимальное мировое производство нефти, которое было или будет достигнуто, и за которым последует необратимый спад добычи. Это

Цели устойчивого развития ООН способствуют приватизации водоснабжения в самых разных по уровню развития странах. Однако «защита воды» нелиберальными рынками представляет собой противоречие в терминах: рынки могут увеличить стоимость товара, только сделав его дефицитным! Сегодня 10 частных компаний контролируют продажу воды в 100 странах, и, как известно, они повышают тарифы на воду, сокращают услуги для бедных и отказываются от обслуживания инфраструктуры водного хозяйства⁹. Начиная со знаковой борьбы граждан Кочабамбы против американской компании *Bechtel* в 2001 г., южноамериканские общины лидируют в мире в области водной политики. В Венесуэле и Мексике существуют массовые движения за муниципальную собственность на услуги. В Европе в этом направлении особенно продвинулась Испания¹⁰. Но самое главное – активистам необходимо в срочном порядке предотвратить захваты водных ресурсов корпорациями и будущие конфликты между крупными державами из-за пресной воды¹¹.

Однако такая социалистическая стратегия, как общественная собственность на воду, – это только половина дела, потому что, как и либерализм, социализм все же остается антропоцентрической политикой. Сообщества постразвития будут «экоцентричными», если станут активно использовать водную парадигму ради восстановления жизни на Земле. В этом отношении глобальный Север может многое почерпнуть из мировоззрения коренных народов и навыков женщин по уходу за детьми. Вклад экологических феминисток полезен на нескольких этапах этого процесса трансформации, не в последнюю очередь и для деструкции антропоцентризма.

Экофеминистки отмечают, что традиционные западные институты – от религии и права до экономики и науки – были созданы, чтобы служить патриархальному господству «первого политического порядка» в мире. К сожалению, «маскулинные права» стали международной позицией по умолчанию как для либералов, так и для социалистов¹². Колеса глобализации все еще смазаны иерархией «великой цепи бытия» Аристотеля – древнего дискурсивного обоснования, которое ставит богов, царей и мужчин на вершину социальной жизни, в силу чего они по своей сущности якобы обладают властью над подчиненными, такими как «женщины, туземцы и Мать-Природа».

понятие связано с концепцией К. Хабберта 1956 г. об истощении запасов нефти. Пик воды (англ. *peak water*) – концепция, которую предложили в 2010 г. П. Глейк и М. Паланиаппан, подчеркивая растущие ограничения в отношении наличия, качества и использования ресурсов пресной воды. – *Прим. пер.*

⁹ Barlow, M., & Clarke, T. (2004, January). *Water privatization*. Retrieved October 18, 2021, from <https://archive.globalpolicy.org/soecon/bwi-wto/wbank/2004/01waterpriv.htm>

¹⁰ Steinfort, L., Kishimoto, S., & Burke, D. (2017, March 22). *10 rousing struggles for public water*. Retrieved October 18, 2021, from <https://www.tni.org/en/article/10-rousing-struggles-for-public-water>

¹¹ Froelich, A. (2018, February 15). *Coca-Cola and Nestlé to privatize the largest reserve of water in South America*. Retrieved October 18, 2021, from <https://awakeandaware.ca/coca-cola-and-nestle-to-privatize-the-largest-reserve-of-water-in-south-america/>

¹² Thompson, D. (2020). *Masculinity and the Ruling of the World*. Retrieved October 22, 2021, from <http://denisethompsonfeminism.wordpress.com/>

Широкое общественное понимание того, что глобальная экономика антропоцентрична, имеет решающее значение для сохранения жизни на Земле. Такие кризисы, как изменение климата, утрата биоразнообразия и пандемия коронавируса, являются результатом доминирующего европоцентристского убеждения, которое ставит человечество выше природы. Это предположение о дуализме «человек – природа», заимствованное из древних авраамических религиозных культур, было в свое время секуляризовано европейским Просвещением и научной революцией. Современная наука перешла от взгляда на природу как на живой организм (Античность) или как «творение Бога» (Средневековье) к взгляду на природу как механический агрегат, машину, которая может быть спроектирована и усовершенствована людьми.

Традиционный ныне кодекс общепринятых правил, определяющий господство человечества над природой, мужского над женским, белого над черным и т. д., на самом деле ограничивает жизненные возможности всех людей, и поэтому феминистским, деколониальным и экологическим активистам имеет смысл разоблачать его по всем направлениям. Однако антропоцентризм этого дуализма нелегко изменить, потому что он снова и снова интериоризируется в каждом индивидуальном сознании в процессах социализации новых поколений. Подсознательный «порядок здравого смысла» повседневной жизни выглядит так, и большинство людей принимают его как «закон природы».

Не только к женщинам традиционно относятся как к более близким к природе, чем мужчины, которые в данной оптике оказываются более близкими к культуре и разуму, т. е. к «человечности», но и к коренным народам и детям. Эта подсознательная иерархия способностей, прав и власти прямо или косвенно влияет на принятие политических решений.

Структурные эффекты этой старой мантры определили направление истории. Женщины и покоренные рабы становятся просто объектами; а в эпоху Просвещения природа и тела даже концептуализируются как машины, части которых могут управляться математическими формулами (Merchant, 1980). Важно заметить то, что такая отчужденная от жизни идеология и культура необходимы для функционирования капитализма. В патриархальном обществе земля по умолчанию ценится как прочная, крепкая, надежная, в то время как животворящие потоки воды так же неустойчивы, проблематичны, как и воплощенная женская фертильность, когда женщины не замужем, т. е. не находятся в подчинении у мужа. Социальные права при этом символизируются в праве собственности на землю и защищены от буйных вод искусственными плотинами, каналами и дренажами. И только поэтому такие «неустойчивые» «объекты», как женщины, требуют «крепкой мужской руки».

Некоторые сторонники «водной парадигмы» описывают маскулинизированное инструментальное рационалистическое стремление овладеть водой с помощью права и инженерии как «гидравлическую миссию» (Kraučik et al., 2008). Еще один пагубный эффект психологического дуализма проявляется в несоответствии между редукционистскими показателями экономистов и живыми экологическими потоками, которые они пытаются измерить. Люди могут отвергать неолиберализм, но одновременно с этим все равно воспринимать механическую индустриализацию природы как само собой разумеющийся «способ ведения экономики». Они не понимают, почему этот метод обеспече-

ния не может быть рационализирован глобально, отрегулирован или исправлен. Инженерные заявления европейских и североамериканских экологических модернистов обманчиво оптимистичны, а аура высокотехнологичных инноваций слишком часто мистифицирует и успокаивает потенциальных критиков политического статус-кво. Оцифрованное, автоматизированное будущее не будет легко «дематериализовываться» в справедливость и устойчивость. Между тем такие важные предложения экономистов-феминисток, как движение к экономике замкнутого цикла или более адекватная оценка труда по уходу за членами семьи и попечению (больных, детей, стариков, людей, попавших в беду), к сожалению, как и предупреждали марксисты, немедленно поглощаются тотализирующей логикой капитала (Odih, 2014).

Другой способ познания

Экофеминистки создали обширную литературу, часто используемую в университетских курсах, в которой раскрываются истоки глобального экологического кризиса, укорененные в институтах и практиках европоцентристских и поло-гендерных привилегий. В этих работах критикуются системы знаний большинства академических дисциплин, даже таких как марксизм и социальная экология. Экофеминистки предлагают альтернативную эпистемологию, способ познания, совершенно отличный от инструментального рационального манипулирования людьми и природой. Но глупо говорить, что они опираются на некую женскую политическую пронципальность и врожденную «женскую сущность». Скорее, источником экофеминистской эпистемологии является труд, поскольку люди формируют свое понимание и навыки через взаимодействие с материальным миром, включая человеческие тела. Люди, которые работают автономно, вне отупляющей, оцепеняющей промышленной рутины, т. е. домохозяйки, воспитатели, фермеры, собиратели, люди, ухаживающие за больными, способны более точно строить резонансные модели того, как одна вещь соединяется с другой.

Временные структуры этого «метаиндустриального» рабочего класса являются межпоколенческими и, следовательно, по своей сути оказываются защитными и превентивными, предупреждающими. Эпистемологический масштаб метаиндустриального труда является глубоко внутренним, интимным, максимизируя отзывчивость работника на взаимный переход материи-энергии в природу или в человеческие тела как природу. Суждения метаиндустриальных рабочих основаны на опыте, накопленном методом проб и ошибок, с использованием оценки экосистемы или физического здоровья от колыбели до могилы. Разнообразные потребности видов или возрастных групп напрямую уравниваются и согласовываются в метаиндустриальном труде. Там, где внутренняя экономика и экономика, обеспечивающая средства к существованию, практикуют синергетическое решение проблем, многокритериальное принятие решений является вопросом здравого смысла. В метаиндустриальном труде, где нет разделения между умственными и физическими навыками, ответственность прозрачна; продукт труда не отчуждается от рабочего, как при капитализме, а разделяется и используется совместно с другими. Здесь линейная логика промышленного производства уступает место круговой, циклической логике

воспроизводства. Тем самым социальное обеспечение фактически оказывается одновременно и народной наукой, и политическим действием.

В 2008 г. коренные жители Южной Америки бросили вызов неокOLONIALному экстрактивизму, вдохновив Эквадор на конституционное закрепление Пачамама Райми – ежегодной церемонии, подтверждающей права Матери-Земли¹³ (Acosta, 2009). От Южной Африки до Великобритании и дальше преподавание такой новой академической дисциплины, как Земная юриспруденция (англ. *Earth Jurisprudence*)¹⁴, также известной как Дикий закон (англ. *Wild Law*)¹⁵, помогает разрешению противоречий между мудростью эоцентризма и либеральным языком «прав».

Тем не менее юриспруденция и право остаются в мире идей, тогда как водная парадигма – это материальная политика в действии. Потенциально новые, возникшие в народе взгляды на Земную демократию (англ. *Earth Democracy*) могут дестабилизировать трансатлантического гегемона с его грандиозными технократическими схемами управления Земной системой. Но путь есть, не в последнюю очередь потому, что Цели устойчивого развития ООН основаны на транснациональном управлении водными ресурсами¹⁶. Эти цели описываются как универсальный план действий для «людей, планеты и процветания», который должен вступить в силу в течение следующих пятнадцати лет. Пункт 6а призывает к международному сотрудничеству и наращиванию потенциала в области санитарии, сбора воды, опреснения, повышения эффективности водопользования, очистки сточных вод и повторного использования. Что касается климата, то параллельный «подход к чистой энергии» опирается на мантру 3-Ds – *decentralisation, decarbonisation, digitalization* (децентрализация, декарбонизация, цифровизация), описанную как «выращенную» в утробе предпринимателей и бухгалтеров, не меньше! Полное воздействие на природу «решения» высокотехнологичных проблем – энергоемкой добычи полезных ископаемых, выплавки, производства, транспортировки и технического обслуживания – редко учитывается даже сторонниками Зеленого нового курса.

¹³ На языке кечуа *Pachamama Raymi* – праздник Матери-Земли.

¹⁴ Земная юриспруденция – философия права и управления людьми, основанная на том факте, что люди являются лишь одной частью более широкого сообщества существ и что благополучие каждого члена этого сообщества зависит от благополучия Земли в целом. Эта философия утверждает, что человеческие общества будут жизнеспособными и процветающими только в том случае, если они будут регулировать себя как часть этого более широкого земного сообщества и будут делать это тем образом, который согласуется с фундаментальными законами или принципами, регулирующими функционирование Вселенной (см.: Cullinan, 2003). – *Прим. пер.*

¹⁵ Дикий закон подразумевает такую регуляцию человеческого поведения, которая направляет это поведение на сохранение целостности всего земного сообщества в долгосрочной перспективе, а не на удовлетворение краткосрочных потребностей и интересов людей. Дикие законы призваны регулировать участие человека в этом более широком сообществе. – *Прим. пер.*

¹⁶ *Transforming our world: The 2030 Agenda for sustainable development* (2015). Retrieved October 25, 2021, from [https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=vi
ew&type=400&nr=2125&menu=1515](https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=vi
ew&type=400&nr=2125&menu=1515)

Метаболические издержки этого экстрактивизма – эрозия почвы, токсичность, потери воды и выбросы парниковых газов – явно несовместимы с любой идеей устойчивого развития, не говоря уже о постразвитии. То, что здесь поддерживается, – это поверхностная политика, защищенная установившейся маскулинной культурой редукционизма, дуализма и отрицания.

Вода для климата

Водная парадигма заключается в работе с биоразнообразием и почвами для удержания осадков там, где они выпадают, и тем самым направлена на осуществление регидратации (восстановление влагосодержания) подземных водоносных горизонтов, ландшафта и, конечно, атмосферы. Деньги здесь не имеют значения, ибо труд является общинным и ручным, использующим местные природные ресурсы – камень, дерево и растения. Так, например, в Индии Раджендра Сингх возродил местную традицию строительства джохадов¹⁷ или грязевых болот на склонах для сбора муссонных стоков, в то время как Дхрубаджьоти Гхош боролся с застройщиками за сохранение богатого метаболизма водно-болотных угодий Калькутты (Agrawal & Narian, 1997; Barkham, 2016¹⁸). В посткоммунистической Словакии Михал Кравчик поощрял безработных и лишенных собственности сельских жителей к переобучению и восстановлению земель для выращивания продуктов питания, создавая небольшие проекты сбора воды из обильных материалов в их окружающей среде. Хотя географические, исторические и культурные условия в приведенных примерах различаются, тем не менее, между этими шагами после их реализации наблюдается захватывающая транснациональная конвергенция. Подобные эксперименты можно найти в Китае и Франции.

«Водная парадигма» уже продемонстрирована в Эквадоре матерями и бабушками некогда опустошенных горных склонов Набона. Благодаря дальновидности и инновациям эти женщины добились контроля над эрозией почвы, сбором воды, плодородием и продовольственным суверенитетом, посадив растения для защиты и восстановления старых водосборных бассейнов и ручьев. Благодаря этому они также внесли свою лепту в разрешение глобального климатического кризиса. Согласно экофеминистским рассуждениям, крестьяне, обеспечивающие своим семьям средства к существованию, как и многие матери в домохозяйствах глобального Севера, применяют реляционные принципы имманентной взаимосвязи/взаимообусловленности в своей работе для под-

¹⁷ Джохад (хинди *johad*), также известный как покхар, или перколяционный (просачивающийся) пруд, представляет собой принадлежащее общине традиционное водно-болотное угодье для хранения дождевой воды, в котором собирают и хранят воду в течение всего года, чтобы использовать ее для подпитки грунтовых вод в близлежащих колодцах, мытья, стирки, купания и питья людьми и скотом, а также в целях предотвращения затопления и вымывания, эрозии плодородной почвы ниже по течению. – Прим. пер.

¹⁸ Barkham, P. (2016, March 9). *The miracle of Kolkata's wetlands and one man's struggle to save them*. Retrieved October 28, 2021, from <https://www.theguardian.com/cities/2016/mar/09/kolkata-wetlands-india-miracle-environmentalist-flood-defence>

держания метаболических циклов. Ведь люди, в конце концов, – это природа в воплощенной форме. Противоречивая европоцентристская предпосылка о превосходстве человечества над природой помешала многим левым, даже некоторым феминисткам, серьезно отнестись к этой маргинализованной рабочей силе как к политическим акторам.

В пунктах 14 и 15 Целей устойчивого развития ООН признается, что климат – это сложная нелинейная система, тесно связанная с функционированием водных объектов. Но Межправительственная группа экспертов по изменению климата ООН отдает предпочтение редуccionистской науке, бессистемному, разрозненному мышлению, управляемому технократами, а не решениям, которые могут принимать и использовать сами люди в непосредственной деятельности (Salleh, 2010, pp. 285–297). Таким образом, глобальная политика в области климата насаждается сверху вниз, без учета собственных возможностей людей действовать каким-либо иным образом, кроме как в качестве граждан-потребителей.

В 2015 г. на переговорах по климату в Париже активисты альтерглобализации согласились присоединиться к борьбе за землю и воду. Международный крестьянский союз *Via Campesina* заявляет, что наше мелкомасштабное обеспечение продовольствием на самом деле «охлаждает Землю»¹⁹. Популярные подходы к суверенитету и самодостаточности чествуют такие модели, как экокфеминистская этика выживания, экологическая достаточность, *buen vivir*, *swaraj*, *ubuntu*, *commoning u degrowth*²⁰. Эти социальные экологические и политические взгляды и практики способствуют обеспечению средств к существованию, получению квалифицированной работы, солидарности, культурной автономии, осознанию поло-гендерной проблематики, обучению, расширению прав, возможностей и духовному обновлению. Тем не менее внесение социальных изменений в повседневную жизнь потребует решительных усилий по разоблачению и искоренению старых привычек маскулинного антропоцентризма.

Постразвитие и экологически достаточные экономики

Стратегия постразвития является многогранной и синергетической, поскольку она отменяет древний дуалистический код, устанавливающий иерархию господства человечества над природой, мужчины над женщиной, культуры над природой и т. д. Почему? Потому что эта стратегия:

¹⁹ *Small scale sustainable farmers are cooling down the Earth* (2009, December). Retrieved October 30, 2021, from <https://viacampesina.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2010/03/Small-Scale-Farmers-Cool-Down-EarthEN.pdf>

²⁰ *Degrowth* (де-рост, антирост, замедление роста) – социально-экономическая, экологическая, социально-политическая и философско-этическая концепция, согласно которой для построения социально справедливого и экономически устойчивого общества необходимо сокращение глобального потребления и, соответственно, замедление роста темпов и объемов производства. Это замедление направлено на элиминацию продуктивистского буржуазного принципа «Расти или умри!» (*Growth or die!*). Концепцию антироста не следует путать с концепцией устойчивого развития. – Прим. пер.

- заменит человеческое экологическое господство над природой взаимностью, а не контролем;
- заменит классовую иерархию господства и превосходства умственного труда над физическим на горизонтальное объединение;
- отбросит поло-гендерную и расовую дискриминацию за счет переоценки маргинальных регенеративных навыков;
- наконец, заменит нисходящие схемы управления Землей фундаментальным биорегионализмом с нуля.

Это политика мира – посткапиталистическая, постколониальная, постпатриархальная и экоцентрическая. По мере того, как люди восстанавливают свою общую человечность в природе, взаимопонимание между культурами растет.

Экологически достаточные экономики не выводят (не экстернализируют) издержки на внешний рынок, эксплуатируя других или экстернализируя отходы в виде загрязнений. Этот трудовой навык необходим для будущего общественного блага – и он уже практикуется большинством мирового класса регенеративных рабочих. Тут следует, на наш взгляд, подчеркнуть, что критически важная традиционная социалистическая и прежде всего марксистская озабоченность эксплуататорскими производственными отношениями отодвинула на второй план озабоченность подавленными «отношениями воспроизводства». Тем не менее у Маркса есть отрывки, которые могли бы описать метаиндустриальный труд, если бы его гуманистический подход был менее узким, менее европоцентристским и патриархальным.

Так, в 1844 г. Маркс писал, что освобождение человека вообще возможно только через формирование «класса, скованного радикальными цепями, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое особое право, ибо над ней тяготеет не особое бесправие, а бесправие вообще... такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества» (Marx, 1984, p. 190).

Как давно утверждают экофеминистки, репродуктивный труд создает реляционные (учитывающие имманентные взаимосвязи между природой, человеком, техникой и т. д.) «способы познания», которые противостоят механистическому насилию европоцентристского инструментального разума. Если радикальная политика не будет руководствоваться опытом мирового большинства, объединяющего жизнь на Земле, – коренного населения, женщин, заботящихся о семье, и крестьян, – она легко превратится в тип Просвещения, который рассматривает Землю и ее обитателей как бесконечный, неисчерпаемый ресурс.

В то время как линейный разум современной индустрии рассекает метаболизм природы, оставляя позади себя беспорядок и энтропию, представители метаиндустриального класса, которые поддерживают и питают живые процессы, разрабатывают выводимые из жизненных обстоятельств эпистемологии, выражающие альтернативную форму человеческого творчества. Такой труд, свободно присваиваемый капиталом как с внутренней, так и с географической периферии, на самом деле является предпосылкой самого капиталистического способа производства. Иными словами, этот уникальный класс рабочих существует «внутри

капитализма», когда его деятельность субсидирует прибавочную стоимость; тем не менее обеспечение воспроизводства также существует и «вне капитализма», как самодостаточное для самого себя. И поэтому оно имеет большую стратегическую силу на международной арене.

В настоящее время крестьяне и коренные народы глобального Юга представляют собой очень активную часть международной политики. По сути, XXI столетие, похоже, переживает постколониальную развязку, хотя и постоянно откатывается назад из-за трансатлантического оппортунизма. Все массовые проекты на низовом уровне, такие как Глобальный университет устойчивости (*Global University for Sustainability*), Аналитический центр системных альтернатив (*Systemic Alternatives think-tank*), Сеть радикальной экологической демократии (*Radical Ecological Democracy Network*), являются положительными примерами движения постразвития.

Голоса экофеминисток также требуют крупномасштабных цивилизационных изменений, но эмансипация женщин в настоящее время остается проблематичной. Неолиберализм способствует новому разделению и контролю на рабочих местах и в университетах, поскольку женщин поощряют конкурировать друг с другом за мужские привилегии. Как и рабочее движение до него, феминизм может быть легко поглощен капиталистическими патриархальными стратегиями репрессивной терпимости, точно так же, как движения коренных народов могут быть ниспровергнуты пустыми обещаниями правительств. Тем не менее, несмотря на возможные негативные альтернативы, экофеминистки сегодня терпеливо участвуют в этих политических движениях, соединяя свои позиции с позициями других движений там, где это возможно.

Заключение

Большинство правительств и международных организаций в настоящее время серьезно относятся к глобальному экологическому кризису, и разговор, например, об антропоцене²¹ является показателем этого. Тем не менее сам термин «антропоцен» является частью проблемы, поскольку, как и основной международный дискурс, он тоже антропоцентричен. Академические дисциплины, такие как экономика или западные правовые конструкции, основаны на превосходстве человечества над природой. Но антропоцентрическая линза затуманивает тот факт, что выбор, решения и действия подчиненного населения, большинства женщин и колонизированных народов по всему миру не были ответственны за нанесение ущерба планетарной системе.

²¹ Антропоцен (др. – греч. *ἄνθρωπος* – человек, *καιός* – новый) – выделяемая некоторыми исследователями в рамках четвертичного периода и его последней эпохи – голоцена (который начался 11,7 тыс. лет назад и продолжается до сих пор) предполагаемая геологическая эпоха, начинающаяся с начала значительного антропогенного воздействия на геологию и экосистемы Земли. Термин ввели в 2000 г. нидерландский химик, специалист по химии атмосферы, нобелевский лауреат Пауль Крутцен и американский ботаник и эколог Юджин Стормер. Данный термин особенно активно используется марксистскими экологами и экономистами, среди которых Дж.Б. Фостер, П. Буркетт, Б. Кларк, К. Ройл, Э. Альфатер, К. Сайто, П. Суизи. – *Прим. пер.*

Политика и теоретическая литература экологического феминизма развились именно из этого понимания. Экофеминистки также выявили, каким образом, посредством каких механизмов в капиталистических патриархальных обществах обеспечение ресурсами и превращение природы в товар происходило параллельно с обеспечением ресурсами и превращением в товар их собственных воспроизводительных органов. Последнее использование сегодня можно увидеть в существовании двух параллельных парадигм – индивидуалистической монетизированной экономики (экономика-Я) и немонетизированной реляционной экономики (экономика-Мы). Внутренняя экономика-Мы материально поддерживает экономику-Я, но обычно рассматривается как «естественная», «природная» деятельность.

Глобальное большинство женщин, занимающихся воспитанием, уходом за детьми, исторически позиционировалось как трудящиеся прямо на онтологической границе, где встречаются так называемые человечество и природа. В отличие от фабричных или канцелярских работников, культурно разнообразные группы женщин контролируют биологические потоки и поддерживают обмен веществ и энергии в природе. Фактически вся термодинамическая основа капитализма основывается на материальных транзакциях, опосредованных трудом этого невысказанного «метаиндустриального класса», или, как высказался в политическом аспекте Жан Бодрийяр, «молчаливого большинства». День за днем глобальная экономическая система накапливает огромный непризнанный долг перед этими работниками. В последние десятилетия женщины, ухаживающие за детьми на глобальном Севере, и колонизированные общины на Юге объединились в политическое «движение движений», заряженное знанием того, что эмансипация и устойчивость являются взаимосвязанными целями. Уникальная рациональность их метаиндустриального труда заключается в способности обеспечивать экономику без внешних факторов, т. е. без передачи социального долга другим или «принуждения» природных процессов к деградации и энтропии.

Капиталистический патриархальный метод защиты природы состоит в том, чтобы превратить то, что бизнесмены и политики называют «экосистемными услугами», в товар, включив живые метаболические потоки лесов, солнечного света или наземных бактерий в механизм ценообразования. Аналогичным образом Международный валютный фонд и другие организации продвигают Зеленый новый курс и «зеленую экономику» только на словах, на деле же эти квазизеленые курсы, политики и экономики полностью основаны на идеологии свободного рынка. Потому что в интеллектуальном плане принятие решений мировыми лидерами опирается не на категории, имманентные экологическому взгляду на мир, а на буржуазный дискурс, фундированный в таких понятиях, как «прибыль», «финансовый капитал», «человеческий капитал», «природный капитал», «физический капитал» и «свободный рынок». Но поскольку рынки могут увеличить стоимость товара, только сделав этот товар дефицитным, то подобный метод защиты природы является противоречием: «зеленая экономика» – это всего лишь еще одна программа структурной реорганизации, перестраивающая национальные рынки, но не отменяющая самого фундамента – рыночной капиталистической экономики, превращающей все и вся в товар и разрушающей естественные связи человека и природы.

В отличие от риторики научного и технического прогресса, риторики суперсовременных инженерных и цифровых решений, стремления к постоянному росту производства и потребления за счет «завоевания» природы – риторики, которая оправдывает все возрастающую эксплуатацию «неисчерпаемой» природы, имманентная логика метаиндустриального труда защищает метаболизм между человечеством и природой. И если, как мы видим, линейный инструментальный разум современной промышленности оставляет за собой опустошение и разруху, то метапромышленный класс, непосредственно участвуя посредством своего собственного повседневного чувственного труда в метаболических циклах Земли, восстанавливает термодинамическую устойчивость в социо-био-экоценозах.

Метаиндустриальный класс не нуждается в линейной логике капиталистического продуктивизма и погоне за прибылью. Это связано с тем, что метаиндустриальный класс, в силу содержания своего повседневного труда, большей частью интуитивно, способен вырваться из линейной логики производства и перейти к циклической логике воспроизводства. Таким образом, у метаиндустриального класса формируется особая экологическая репродуктивная эпистемология. Наиболее наглядным примером такой логики являются, как мы показали, водные циклы на Земле, поскольку именно вода опосредует обмен веществ природы и людей, воплощенных в природе. В соответствии с «водной парадигмой» все явления, объекты, процессы являются взаимосвязанными компонентами устойчивого органического целого (как в кругообороте воды в природе). Отсюда экофеминистическая политическая стратегия, направленная на формирование устойчивого метаболического существования и сокращающегося промышленного производства, основанного на эпистемологии (системе познания и знаний) метаиндустриального класса и его воспроизводительного труда, но предполагающая необходимость и индустриального производительного («маскулинного») труда. Но самое главное – направленная на выход за пределы логики капиталистического продуктивизма. Таким образом, механизмы социального воспроизводства, предлагаемые экофеминизмом, являются одновременно и народной наукой, народной эпистемологией, и политическим действием.

References

1. Acosta, A. (2009). Los derechos de la naturaleza, nuevas formas de ciudadanía y la Buena Vida. *Ecos de la Constitución de Montecristi. Serie: Documentos Ocasionales*, (7).
2. Agrawal, A., & Narian, S. (Eds.). (1997). *Dying wisdom: Rise, fall, and potential of India's traditional water harvesting systems*. New Delhi: Centre for Science and Environment.
3. Andrews, P. (2006). *Back from the brink. How Australia's landscape can be saved*. Sydney: ABC Books.
4. Bell, S. (2013). *Our roots run deep as iron weed*. Chicago: University of Illinois Press.
5. Bennholdt-Thomsen, V., & Mies, M. (1999). *The subsistence perspective*.

London: Zed Books.

6. Cullinan, C. (2003). *Wild law: A manifesto for Earth justice*. Totnes, Devon: Green Books.

7. D'Avila, M.I., & De Vasconcelos, N. (1993). *Ecologia Feminismo*. Rio de Janeiro: EICOS-UFRJ.

8. D'Eaubonne, F. (1980). Feminism or Death. In E. Marks & I. De Courtivron (Eds.), *New French feminisms. An anthology* (pp. 64–68). Amherst: University of Massachusetts Press.

9. Isla, A. (2009). Who pays for Kyoto protocol? In A. Salleh (Ed.), *Eco-Sufficiency & global justice: Women write political ecology* (pp. 199–217). London: Zed Books.

10. Jones, P. (2010). Liberation as Connection and the Decolonization of Desire. In A. Breeze Harper (Ed.), *Sistah vegan: Black female vegans speak on food, identity, health, and society* (pp. 187–201). Brooklyn: Lantern.

11. Kheel, M. (2008). *Nature ethics*. Lanham: Rowman & Littlefield.

12. Kravčík, M., Pokorný, J., Kohutiar, J., Kováč, M., Tóth, E. (2008). *Water for the recovery of the climate: A new water paradigm*. Košice: Krupa Print.

13. Luxemburg, R. (2003). *The accumulation of capital*. London: Routledge.

14. Marx, K. (1984). Critique of Hegel's philosophy of right. In *Selected writings in sociology and social philosophy*. Harmondsworth: Penguin.

15. Merchant, C. (1980). *The death of nature: Women, ecology and the scientific revolution*. New York: Harper.

16. Mies, M. (1986). *Patriarchy and accumulation on a world scale: Women in the international division of labour*. London: Zed Books.

17. Mies, M., Shiva, V. (2014). *Ecofeminism*. London & New York: Zed Books.

18. Odih, P. (2014). *Watersheds in Marxist Ecofeminism*. Newcastle: Cambridge Scholars.

19. Sachs, W. (Ed.). (1994). *Global Ecology*. London: Zed Books.

20. Salleh, A. (2010). Editorial: A sociological reflection on the complexities of climate change research. *International Journal of Water*, 5(4), 285–297. <https://doi.org/10.1504/ijw.2010.038744>

21. Salleh, A. (2012). Green economy or green utopia? Rio+20 and the reproductive labor class. *Journal of World Systems Research*, 18(2), 141–145. <https://doi.org/10.5195/jwsr.2012.468>

22. Salleh, A. (2017). *Ecofeminism as politics: Nature, Marx, and the Postmodern*. London: Zed Books.

23. Salleh, A. (2018). Una estrategia eco-feminism: Militar por el agua, el clima, u las luchas postdesarrollo. *Ecuador Debate*, (103), 147–158.

24. Shiva, V. (2005). *Earth democracy: Justice, sustainability, and peace*. London: Zed Books.

25. Shiva, W. (1987). *Staying alive: Women, ecology, and development*. London: Zed Books.

Информация об авторе

Ариэль Саллех, доктор философии (PhD), приглашенный профессор, гуманитарный факультет Университета Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, ЮАР, e-mail: arielsalleh7@gmail.com

Information about the author

Ariel Salleh, PhD, Visiting Professor, Faculty of Humanities, Nelson Mandela University, Port Elizabeth, the Republic of South Africa, e-mail: arielsalleh7@gmail.com